

СИНОДИК С ЛИТЕРАТУРНЫМИ ПРЕДИСЛОВИЯМИ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И БЫТОВАНИЯ НА РУСИ

Проблема типологии Синодика, одного из самого распространенного типа рукописных книг на Руси, со всей остротой встала в связи с практическими нуждами описания славяно-русских рукописных книг, предпринятого Археографической комиссией. Дело в том, что под названием Синодик на Руси бытовали три разных по содержанию и функциональной направленности типа памятников письменности, объединенные, однако, общей темой поминовения усопших — Вселенский Синодик, Помянник и Помянник с синодичными предисловиями, которые в XVIII в. могли обособляться в особый синодичный сборник, оторвавшись от Помянника. Несмотря на богатую дореволюционную историографию Синодика¹, в XX в. по-прежнему эти три синодические типа описывались археографами под единым названием. Также и в последнем издании Толкового словаря русского языка читаем: «Синодик, — а, м. В церковном обиходе: книга записи имен умерших для поминовения во время богослужения»².

Однако в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» необходимая дифференциация уже была проведена³. В настоящий момент все три типа Синодика описаны в специальных работах, где выявлены их происхождение, история бытования на Руси и проведен содержательный и формальный анализ этих памятников в широком контексте общемировой культуры⁴.

Синодик-литературный сборник — это весьма условное название Помянника с синодичными предисловиями. Самоназвания не адекватно отражают тип памятника. Так, он может отождествляться составителем или переписчиком с Помянником: «Сенадик святых соборных апостольских церкви сиречь поминание прежд отшедших душ к Богу» (РГАДА. МГАМИД. № 342/722, 2-я треть XVII в.); «Поминание святого Михаила Златоверхого» (ЦНБ АН УССР. 537П/1743, сер. XVI в.). Иногда составитель затрудняется в выборе названия и дает сразу несколько дефиниций, при этом остается традиционное отождествление Помянника и Синодика-литературного сборника. Так, Синодик-литературный сборник XVII в., включающий помимо 15 синодичных предисловий и Статью о великих князьях российских, имеет три самоназвания: «Сей синодик града Колуги соборные церкви живоначальные Троицы»; «Предисловие книги сея глаголемаго сенаника»; «Сенадик святых соборных и апостольских церкви сиречь поминание преже отшедших к Богу» (РГАДА. Ф. 381. Собр. Синодальной типографии. № 273).

Синодик рассматриваемого типа на протяжении истории его существования имел разную функциональную направленность, а соответственно и состав: существовал как Помянник с

¹ Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика). Otto Sagner Verlag. München, 1990.

² Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2000. С. 718.

³ Поньрко Н. В. Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Втор. пол. XIV—XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 339—344.

⁴ Об истории русских переводов Вселенского Синодика, а также истории их бытования на русской почве см.: Дергачев В. В. Вселенский Синодик на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2001. № 1(3). С. 18—29. О русских Помянниках см.: Steindorff L. Memoria in Altrubland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Franz Steiner Verlag. Stuttgart, 1994. Пример полной документально обоснованной расшифровки родовой памяти в Помяннике см.: Дергачев В. В. Родословие Дионисия Иконника // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1989. С. 210—225. О Синодиках литературных сборниках см.: Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков.



трехсловным предисловием, предназначенный для чтения во время церковных служб; как Помянник с развитым синодичным предисловием для чтения в монастырских и церковных трапезных; а также как четый сборник, иногда обходившийся без списка имен лиц, предназначенных для поминовения и богато иллюстрированный миниатюрами. В третьей четверти XVII—XVIII в. на основе тематического ядра синодичных предисловий появляются синодичные книги, имеющие самоназвание «Лекарство душевное»⁵.

Для решения вопроса о литературной истории русского Синодика, задачи, поставленной, но не до конца решенной в единственной работе на эту тему, — монографии Е. В. Петухова, появившейся еще в 1895 г.⁶, необходимо было установить время и обстоятельства появления литературного Синодика на русской почве. В Советской исторической энциклопедии появление и развитие Синодиков этого типа датируется второй половиной XVII—XVIII в.⁷ В словарной статье, посвященной Синодикам в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», Н. В. Поньрко указывает, что «Сборник статей о необходимости поминовения умерших... сложился к концу XVI в., а наибольшее распространение получил в XVII в.»⁸. Эта датировка совпадает с предположением Е. В. Петухова, относившего появление синодиков с литературными предисловиями к концу XVI в. (периоду патриаршества Иова). Однако самым верным оказалось предположение А. С. Павлова, отнесшего появление литературных предисловий Синодика к концу XV в. и связавшего их с литературно-публицистической деятельностью Иосифа Волоцкого⁹.

Кодикологический анализ 72 списков Синодиков-литературных сборников, исследованных автором данной работы в хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Новосибирска и Вологды, позволил подтвердить предположение А. С. Павлова, ибо дал возможность определить точную дату появления первого Синодика с литературными предисловиями и выделить в этом сборнике непостоянного состава редакции.

Автором-составителем первой редакции Синодика с трехсловным предисловием был выдающийся русский просветитель Иосиф Волоцкий. Древнейший список, в котором до нас дошла первая редакция, относится к 1479 г. и принадлежит руке самого Иосифа Волоцкого (ИРЛИ. ОП 23. № 52)¹⁰. Это синодик, написанный Иосифом для Волоколамского монастыря, автограф которого дошел до наших дней (ИРЛИ. ОП 23. № 52)¹¹. Помимо синодичного предисловия эта редакция включала и Молитву об усопших, которую письменная традиция приписывала Кириллу Иерусалимскому. Переводчиком полного ее текста на русский язык был, по-видимому, Нил Сорский¹². Соборное утверждение текстов трехслогового предисловия и Молитвы как канонических, состоявшееся при освящении Большого Успенского собора в Москве в 1479 г., сделало эти тексты обязательными в пределах Московской митрополии.

Молитва Кирилла Иерусалимского была популярна в рукописной традиции русских Синодиков. Наряду с общим поминовением Вселенских патриархов, митрополитов, великих князей и

⁵ См.: Кошелева О. Е. Лицевые церковно-учительные сборники «Лекарство душевное» в книжной культуре XVII в. (К вопросу об атрибуции памятника) // Тезисы Всесоюзной конференции по истории средневековой письменности и книги. Ереван, 1977. С. 46—47.

⁶ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.

⁷ Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стб. 884.

⁸ Поньрко Н. В. Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 343.

⁹ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. 1. С. 18—19, 161—163.

¹⁰ Подробное изложение доказательств атрибуции см.: Дергачева И. В. Литературная история Синодика на русской почве в XV—XVII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1997. С. 8—12.

¹¹ Библиографию работ, посвященных этому памятнику, см: Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского дома (обзор фондов). М.—Л., 1965. С. 155—156.

¹² Дергачева И. В. Литературная история Синодика на русской почве в XV—XVII вв. С. 7—10. Здесь приведен и текст Молитвы по списку XVI в. из Софийского собрания РНБ. № 1489. Л. 386—388.



княгинь и т. д., Молитва содержала развернутый список перечисления видов смерти и примыкала к Помяннику. На русской почве текст Молитвы постепенно расширялся за счет детализации описания отдельных видов смерти, что в XVII в. привело к превращению богослужебного текста в развернутую картину описания жизни всех слоев русского общества. Привожу текст Молитвы по Синодику монастыря Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества, что на Болоте под Александровою слободою¹³:

[Л. 31] Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша всего народа православныхъ, еже на ратѣхъ побивенныхъ, и в польцехъ оуазвенныхъ, и огнемъ пожженныхъ, мечи и всакимъ оружиемъ всачески оубивенныхъ, от безбожныхъ [Л. 31 об.] и межюоусовныхъ брани нѣжнѣю смерть приемъшихъ, во благочестии скончавъшихъсѧ. Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша с высоты горъ спадшихъ и с храминъ, [Л. 32] и з древесъ даждь, и с конѧ имскіи извившихъсѧ, и всачески нѣжнѣю смерть приемшихъ. Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша православныхъ за правдѣ господъ своихъ вѣрно оумѣршихъ. [Л. 32 об.] Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша иже голодомъ, и жаждою, и моромъ оумѣршихъ, и наготою от мрѧза скончавшихъсѧ, и во огнѣ по градомъ, и в сельскихъ мѣстехъ згоревшихъ, и в пленъ заведе [Л. 33] нныхъ в поганые земли и тамо неволею в странахъ ихъ расточени и оскверненіи изамроша и беспокаини. Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша православныхъ [Л. 33 об.] и от поганыхъ странъ избѣгшихъ, и на пѣтѣхъ и на распѣтиахъ оумѣршихъ, в селехъ заблѣдъшихъсѧ, и от звѣрей снѣденныхъ, и в пѣстынахъ скитающихъсѧ, оумѣршихъ и нѣкомѣ [Л. 34] иманъ ихъ помандѣть. Самъ, Г(оспод)и, имѣна ихъ вѣси. Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша, еже на морехъ, и на езерахъ, и на рекахъ оутропшихъ, и от рыбъ поглщенныхъ, и громомъ [Л. 34 об.] оубивенныхъ, и молниєю сожженныхъ.

Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша во оузахъ и в тѣмницахъ оумѣршихъ, и казненныхъ, и замѣченныхъ до смерти по дѣломъ или не по дѣломъ. [Л. 35] Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша тѣхъ, иже твоими праведными сѣдбамъ без немощи и без волѣзни, скорою смертию и беспокаини оумѣршихъ. Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша сиротъ оубогихъ [Л. 35 об.] и в скѣделницахъ лежащихъ, всачески оумѣршихъ и беспокаини православныхъ. Помани, Г(оспод)и, д(оу)ша отшедшихъ от житиѧ сего всѣхъ православныхъ христианъ [Л. 36] во всѣхъ странахъ, во градѣ и в селехъ преставльшихъсѧ от(е)цъ и братию нашѣ, иже здѣ лежащихъ и на всакомъ мѣсте владычествіѧ твоего, ако вл(а)гословенъ еси во [Л. 36 об.] вѣки. Аминь.

Основной смысл Молитвы об усопших раскрывает синодичное предисловие Иосифа Волоцкого, состоящее из трех слов:

1) «Предисловіе о оусопшихъ д(оу)шахъ. Бѣа кн(и)ги сп(а)сениѧ и д(оу)шеполезныхъ сѣт. В нихъ же написашесѧ хотѣщеніѧ д(оу)шамъ своимъ сп(а)сениѧ и помощи...»; 2) «такъ же Златооустыи г(лаго)лет: Аще нѣцыи дѣти бѣдѣт тати или разбойницы или пижницы, да тѣмъ погѣбатъ памѧтъ родителейъ своихъ...»; 3) «Великѣи во оучителехъ Іованнъ Златооустыи написа: Бѣа же пишетъ вамъ пастѣхомъ, рекше игуменомъ, іерѣвомъ — оучителемъ стада Х(ристо)ва. Иже кто ѡт нихъ паствы вашѣѧ нищетою живѧ преставитсѧ...»

¹³ ГИМ. Собр. Барят. № 337, вг. пол. XVII в.

В первом Слове говорится о спасительной силе синодиков «**въ страшныи великии д(е)нь грознаго і трепетнаго Х(ристо)ва сѣда**» для оставляющих сей бранный мир «**кто имѣет родъ и сердобола или чада, да тѣмъ оставитъ творити паматъ по себѣ**».

Второе Слово развивает идею преемственности родового поминовения. Тем, кто записан в Помянник, «**паматъ пребываетъ вовѣки... доколѣ миръ Вселенная стоитъ...**»

Третье Слово содержит обращение к духовным пастырям, обязывая их поминать также и тех, кто преставился в нищете, не оставив вклада на поминовение. Пренебрегшие же обязанностью поминовения «**написанныхъ в кн(и)гахъ сихъ, да и самъ не помановенъ вѣдетъ предъ Б(о)гомъ**».

Если в автографе начало синодичного предисловия не сохранилось, текст начинается со Слова Иоанна Златоустого «**Аще нещыи дети будутъ тати или разбоиницы, или пияници...**», то в современном ему списке Синодика Павло-Обнорского монастыря сохранились полностью все три Слова предисловия¹⁴, а также Молитва об усопших. Московский Успенский собор был освящен 12 августа 1479 г, Успенский собор Волоколамского монастыря бы освящен тремя днями позже, 15 августа. Древнейшие сохранившиеся списки синодика московского Успенского собора относятся к 60-м годам XVI века и содержат тексты предисловий, аналогичные Иосифову синодику¹⁵. Именно эта редакция стала первой канонической в практике русской митрополии.

В Синодике Иосифа Волоцкого после Помянника находятся дополнительные «предисловия», толкующие три слова синодичного предисловия и раскрывающие особое значение вкладов на поминовение. Открываются они «Сказанием», имеющим название «**Сказание, имоущее свѣдѣтельство о сп(а)сительныхъ и д(о)шешепольныхъ книгахъ — о сенаницѣ и о повседневномъ поминании, како подобаетъ намъ о сихъ попечение имѣти и какова п(о)льза бываетъ о сею живымъ ж(е) и оум(е)ршимъ д(о)ушамъ**»¹⁶.

Вкладные записи князей Бориса Васильевича Волоцкого (ум. в 1494 году) и его сына Ивана Борисовича (ум. 28 ноября 1503 г.), следующие за «предисловиями», позволяют датировать их предположительно 1503 г. Предваряются «предисловия» вступлением самого Иосифа: «**Не ведаещи же в(о)ж(е)ств(е)ныхъ писании или не имущи оу себе книгъ, да прочтоутъ сие в(о)ж(е)ств(е)ное писание, еже написахомъ здѣ, ѿ многихъ маламъ о еже в вѣрѣ оусопшихъ, и такъ бываемыя о нихъ слоужбы и приношение, м(о)л(и)твы же и милостыня пльзуютъ ихъ и прочетше оутѣшитис и имжтъ**» (Л. 44). Далее следуют статьи из Собеседований Григория Двоеслова, Житий святых, от старчества. В словах Григория Двоеслова проводится разграничение согрешений на непрощаемые и те, что возможно искупить даже по смертно и спасти бессмертную душу. В слове Макария Египетского об обретении лба языческого жреца, так же включенном в предисловия, определено указывается единственный непрощаемый, по мнению составителей синодиков, грех — грех людей, познавших Христа, но отвернувшихся от него. Худшим мукам обречены души не эллинов, то есть язычников, а христиан, познавших истинного Христа, но отвергнувших от него ради гонений или впавших в ересь. Понятно, почему текст «предис-

¹⁴ ГИМ. Собр. Барсова. № 952, до 1481 г. Публикацию трехсловного предисловия и молитвы об усопших по этой рукописи см.: Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков. С. 130—131.

¹⁵ ГИМ. Собр. Успенского собора. № 64 и 65.

¹⁶ ИРЛИ. ОП 23. № 52. Л. 40—44. Публикация: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 354—357. Описание и датировку рукописи см.: Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков. С. 103—104.



ловий», включенных Иосифом в Синодик в период подготовки к последнему собору на еретиков, т. н. «жидовствующих» (1504 г.), отрицающих спасительность заупокойных молитв, начинается с разделения грехов на непрощаемые и прощаемые. Приверженцы этой ереси, по мнению Иосифа Волоцкого, являлись богоотступниками, следовательно, их грех был непрощаем. Приведенное далее слово из 4-й книги Собеседований Григория Двоеслова о том, как молитвою святого была спасена душа нечестивого царя Траяна, содержало прозрачный для современников намек на роль самого преподобного в борьбе с ересью и его решающее влияние на великого князя, первоначально покровительствовавшего еретикам.

В списке синодика Иосифо-Волоколамского монастыря 1526 г.¹⁷, составленном Серапионом Полевым, «послесловия» были опущены, однако в списке 1598 года¹⁸ их текст был восстановлен.

В рукописном сборнике XVII века сочинений Иосифа Волоцкого из библиотеки Соловецкого монастыря (РНБ. Собр. Соловецкое. № 329), открывающемся Уставом Иосифа, «Сказание» следует за тремя Словами синодичного предисловия. Помещение трех синодичных предисловий в сборнике сочинений Иосифа Волоцкого указывает на то, что рукописная традиция связывала их авторство с именем Иосифа.

Ставшая канонической для древнейшей редакции форма трехсловного предисловия преподобного Иосифа воспроизводится в 1553 году в Киеве в Синодике Михайлова Златоверхого монастыря¹⁹. Лишь замена имени Григория Богослова как пособника к «наследию небесного жития» на имя архангела Михаила — покровителя монастыря, отражает в тексте место происхождения Синодика.

Дальнейшему развитию Синодиков-литературных сборников способствовал указ 1548 г. царя Иоанна IV, по благословению митрополита Макария уставившего творить общую память по всех православных христиан и записать ее на Москве в соборные книги. Стоглавый Собор, состоявшийся 3 года спустя, также закрепил теоретические положения преподобного Иосифа в церковной практике: «Которые боголюбцы давали святым церквам на память своим душам по своих родителех в вечный покой и в наследие вечных благ... по всех по тех боголюбцах, которые давали вотчины и села и купли, уставити по них кормы и на памяти их пети понахиды собором, и обедни служити, и братию кормити по монастырскому чину, а имена их написать в синодик и поминати по церковному уставу...»²⁰.

Известная теория «Москва — третий Рим» возникла как плод определенного единства политических идей, проповедуемых церковью и государством. Не позднее 1527 г. составлена первая редакция «Сказания о князьях владимирских». В связи с подготовкой венчания на царство Иоанна IV появляется вторая его редакция. Рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий, заимствованный оттуда, используется как вступительная статья к чину венчания Иоанна IV на царство в 1547 г. Ощущение главенства Москвы среди православного мира стимулирует оживление культурно-просветительской деятельности: канонизируются новые святые, составляются великие Минеи-Четии митрополита Макария. В этом культурно-историческом контексте оправдано появление нового письменного источника, обнаруженного мною в пяти Синодиках XVII в.,²¹ — статьи о великих князьях русских, по жанру относящейся к похвальному слову²². Этот панегирик русским кня-

¹⁷ ГИМ. Собр. Епархиальное. № 411.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1192. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. Оп. II. № 559.

¹⁹ ЦНБ АН УССР. 537 П / 1743.

²⁰ Стоглав. Собор, бывший в Москве при государе царе и великом князе Иване Васильевиче. СПб., 1863. С. 230.

²¹ РГБ. Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 327, конец XVII в.; РГАДА. Ф. 181. Собр. Архива МИД. № 342 / 722, вт. треть XVII в.; РГАДА. Ф. 381. Собр. Синодальной типографии. № 273, XVII в.; ГИМ. Собр. Уварова. № 252, до 1652 г.; РГБ. Ф. 178. Собр. Музейное. № 4116, вт. пол. XVII в.

²² Публикацию см.: Дергачева И. В. Литературная история синодика на русской почве в XV—XVI вв. // Памятники культуры. Новые открытия. С. 14; Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков. С. 36—37.



зьям, идейно обосновывающий доктрину русского самодержавия, включен в Синодики, сохранившие трехсловное предисловие Иосифовой редакции и имеющие в своем составе Макарьевский указ о поминовении, а также единое самоназвание²³: «**ГЕНАДИКЪ С(ВЛ)ТЫА СОВОРНЫА И АП(О)С(ТО)ЛЬСКІА Ц(Е)РКВЕ СИРѢЧЬ ПОМИНАНИЕ ПРЕЖЕ УТШЕДШИХЪ К Б(О)ГЪ**». Сама статья написана в духе исторического идеализма, князья предстают «идеальными правителями русского государства»²⁴. Таким образом, очевидно, что Иосифова редакция в XVI в. получила официальную государственную поддержку и была обработана путем включения новых составных частей.

Своеобразным личным вкладом в историю памятника явился «Синодик опальных Грозного» — документальный источник эпохи опричного террора²⁵. Обнаруженная приписка к Синодику Троице-Сергиева монастыря 1575 года²⁶ дополняет мрачную картину стараний Иоанна Грозного облегчить свою многогрешную душу: рыдая и плача, молил он уставить поминовение о царевиче Иване в обители Живоначальные Троицы и у великих чудотворцев Сергия и Никона²⁷.

Из 72 исследованных мною в древлехранилищах Синодиков с предисловиями 15 относятся к древнейшей редакции — преподобного игумена Иосифа Волоцкого: **1.** Синодик Волоколамского монастыря, 1479 г. (ИРЛИ. Оп. 23. № 52); **2.** Синодик Павло-Обнорского монастыря, до 1481 г. (ГИМ. Собр. Барсова. № 952); **3.** Синодик Волоколамского монастыря, список 1526 г. с Синодика 1479 г. (ГИМ. Собр. Епархиальное. № 411); **4.** Синодик Новгородской Борисоглебской церкви, 1552—1560 г.²⁸; **5.** Синодик Михаила Золотоверхого монастыря, 1553—1560 г. (ЦНБ АН УССР. 537 П/ 1743); **6.** Синодик Московского Большого Успенского собора, 60-е годы XVI века (ГИМ. Собр. Успенского собора. № 64); **7.** Синодик Московского Большого Успенского собора, 60-е годы XVI в. (ГИМ. Собр. Успенского собора. № 65); **8.** Синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г. (РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Оп. III. № 25); **9.** Синодик Киржачского монастыря, до 1585 г. (РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. № 43); **10.** Синодик Московского Богоявленского монастыря со списком имен лиц, казненных Иваном Грозным, 1599 г. (ГИМ. Собр. Епархиальное. № 706); **11.** Синодик Троицкого монастыря на Цне-реке, 1620 г. (ГИМ. Собр. Барсова. № 961)²⁹; **12.** Синодик Киржачского монастыря, до 1631 г. (РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой лавры. № 816); **13.** Синодик соборной церкви дьяка Михаила Патрекеевича Насонова, 1633—1640 г. (РГАДА. Ф. 181. Собр. Архива МИД. № 342/722); **14.** Синодик монастыря Рождества Богородицы, что на Болоте под Александровою слободою; **15.** Синодик Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1673—1690 г. (РГБ. Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 327).

Вторая редакция Синодика-литературного сборника связана с именем первого русского патриарха — Иова (умер в 1607 г.). Это Синодики с развернутыми синодическими предисловиями, являющие развернутое учение о пользе поминовения усопших. Из 8 выявленных в архивах Синодиков этой редакции лишь один датируется началом XVII в. — временем патриаршества Иосифа³⁰. Дово-

²³ Лишь последний из перечисленных в сноске 21, лицевой Синодик боярина князя Бориса Михайловича Лыкова — РГБ. Ф. 178. Собр. Музейное. № 4116 — назван по-иному: «**Синодик вс(ε)м(н)л(о)стиваго Сп(а)са сирѢчЬ поминаніе преже утшедшихъ д(оу)шъ к Б(о)гъ**».

²⁴ Термин В. В. Кускова. Характерно название посмертного издания статей этого выдающегося исследователя древнерусской литературы: «Эстетика идеальной жизни» (М., 2000).

²⁵ См.: Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 323—478; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1983. С. 132—136.

²⁶ РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Оп. III. № 25. Л. 311 об. — 312.

²⁷ Публикация: Дергачева И. В. Литературная история Синодика на русской почве в XV—XVI вв. С. 13—14; Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков. С. 34—35.

²⁸ См. публикацию: Шляпкин И. А. Синодик 1552—1560 годов Новгородской Борисоглебской церкви. Белоостров, 1911. С. 1.

²⁹ Первое Слово (Л. 15) здесь дополнено именем Макария Калязинского как особо чтимого святого.



ды в пользу атрибуции этой редакции Иову, патриарху Московскому и всея Руси, оказавшему «большое влияние на современную ему литературу и на литературу более позднего времени»³¹, строятся на текстологическом анализе синодика из собрания Ундольского — РГБ. Ф. 310. № 156. Составитель этого списка Синодика киноварными заголовками разметил процесс складывания редакции³². В начале (Л. 1—26) находится «Предисловіє на синодикъ». Далее следует общее поминовение редакции патриарха Иова: «Б(о)жїю м(и)л(о)стію состависа сїи синодик по бл(а)гословенїю великаго г(о)с(по)д(и)на первонастоянина, о(т)ца нашего с(в)тѣишаго Іова патріарха московскаго и всеа Русї. И сей поманникъ сложен бысть на подобство Вселенскаго канона, иже сотворен бысть по оуспшїихъ в масопустнїю съвотѣ». Оно содержит подробное перечисление видов смерти, а также порядок чтений, тропари по усопшим и седалны (Л. 26 об. — 37 об.). Его составитель озаглавил киноварью как «Синодикъ первый». «Синодикъ второй» (Л. 38—39 об.) содержит общее поминовение всем православным христианам древнейшего типа, характерного для первой редакции. Далее, на листах 40—40 об. находится список имен лиц для поминовения. Список этот столь краток по сравнению со списками первой редакции, поскольку в XVII в. в Синодиках литературных сборниках догматическая часть — учение о поминовении, приобретала главенствующую роль по отношению к самому Помяннику. На л. 28 написано основным почерком: «Читателю. Зри о сем поманникѣ в предисловіи, тамо обратиши ползѣ д(о)уши своей.» В синодичные предисловия этой редакции входят тексты традиционной для синодиков тематики, обосновывающие пользу поминания усопших, заимствованные из святоотеческой литературы³³. Однако особенно интересен текст, составляющий «общее предисловие синодика»³⁴, перерастающий в проповедь, анализ содержания и формы которой указывает на то, что автором Послания является высший иерарх. Рукописная традиция редакции Синодика, включающей это послание, приписывает его патриарху Иову. Литературная форма, в которой составлено Послание, этому не противоречит. Сравнение же Послания с «Повестью о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси»³⁵ показывает, что в стилистическом отношении эти тексты роднит многократно примененный прием анафоры, обилие риторических вопросов, использование монологической формы повествования, применение в обоих текстах обращения «возлюбленнии», введение в плач царицы Ирины реминисценций из «Прения живота и смерти», популярнейшего в синодиках источника. Все это не противоречит версии об авторском участии патриарха Иова в составлении текста этой редакции Синодика. Разумеется, на сегодняшний день это лишь предположение, и проблеме авторства Иова будет посвящена отдельная работа.

К настоящему моменту удалось выявить следующие списки Синодиков этой, условно названной Иововской, редакции: 1. РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского. № 156, нач. XVII в.; 2. РНБ. Собр. Титова. № 3996, 1674—1685 г.; 3. РГАДА. Ф. 396. Собр. Оружейной палаты № 3714, 1633 г.; 4. ГИМ. Собр. Барсова. № 974, вт. пол. XVII в.

Синодичное предисловие последних двух списков расширено 17 -ю идентичными синодичными статьями, следующими в определенной последовательности.

³⁰ РГБ. Ф. 310. № 156.

³¹ Енин Г. П. Иов // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Л., 1988. С. 415—420.

³² Заголовки писаны киноварью основным почерком на верхнем поле каждого листа соответствующих частей текста.

³³ Каталог синодичных предисловий этой редакции см.: Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII вв. С. 40.

³⁴ Там же. С. 41—46.

³⁵ ПСРЛ. Т. XIV. М., 1965. С. 1—22.



В середине XVII века, когда русское общество оправилось от потрясений Смутного времени, развитие Синодика вступает в новую фазу. С повсеместным строительством трапезных в приходских церквях четий Синодик получает все большее распространение как четья душеполезная книга. Литературные предисловия охвачены общим процессом беллетризации, что характерно для всей русской письменности той поры. Теперь Синодик по праву можно назвать литературным сборником, в котором помимо общего поминовения и Помянника, выполняющих теперь вспомогательную функцию, представлены литературно-учительные, назидательные, догматические, апокрифические, агиографические и даже научно-познавательного характера тексты разнообразных жанров и стилей, объединенные синодичной тематикой поминовения усопших³⁶. С этих пор Синодик может обособляться от Помянника и состоять из одних предисловий. В XVII в. появляются лицевые Синодики, представляющие несомненную художественную ценность хотя бы разнообразием художественных стилей — от царских лицевых Синодиков до Синодиков сельских приходских церквей, где миниатюры писаны явно самобытными художниками-самоучками, причем с необыкновенной тщательностью и старанием. Исследованные мною лицевые Синодики³⁷ подтверждают выводы Е. В. Петухова о том, что иллюстрировались в основном повествовательные части Синодиков и что, «стараясь быть равной тексту по полноте содержания, иллюстрация в Синодике, однако, никогда почти не переступает этих пределов, ничего не дает сверх литературного содержания...»³⁸. Лишь в одном из Синодиков встретились иллюстрации к Помяннику почитаемых русских святых³⁹ — это заключенные в овал поясные изображения преп. Антония, преп. Иосифа Волоцкого, св. Игнатия, преп. Варлаама Хутынского, преп. Пафнутия Боровского, св. Филиппа митрополита, преп. Александра Свирского, преп. Сергия Радонежского, св. Никиты архиепископа новгородского чудотворца.

В конце XVII в. появляются лицевые Синодики, в которых текст играет подчиненную по отношению к миниатюрам роль. Синодичные статьи в них приводятся в сокращенном изложении, предваряют более поздние лубки на синодичные темы, возникшие в начале XVIII в. и поставившие своеобразную точку в литературной истории Синодика. Однако сами синодичные темы возродились и проявили себя в русской классической литературе⁴⁰.

³⁶ Материалы, позволяющие судить о сходстве некоторых синодичных статей, по жанру примыкающих к религиозной легенде — разновидности т. н. быличек, с западноевропейскими «exempla» («примеры»), были мне любезно предоставлены С. М. Шаминым в рукописи «К вопросу о жанре «примеров» в русской литературной и фольклорной традиции».

³⁷ 28 из 67 списков Синодиков XV—XVII в. оказались лицевыми и датируются XVII — нач. XVIII в.

³⁸ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. С. 270.

³⁹ РГАДА. Ф. 196. Собр. Мазурина. № 1470, вт. пол. XVII в.

⁴⁰ Об использовании синодичных тем в художественной литературе на примере произведений Н. В. Гоголя и Н. С. Лескова см.: Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII в. С. 89—98.

